

солдата, поневоле оказавшемся на фронте и был неправильно понят общественностью, а ведь основная цель докладчика заключалась в осуждении войны как средства решения конфликтов, о чем писали и Генрих Бёлль, и Вольфганг Борхерт, и русские классики.

Во имя предотвращения последующих войн людям разных стран необходимо объединиться, научиться прощать, ведь как говорил Л. Н. Толстой необходимо «...чтобы любовь к миру перестала быть робким стремлением народов, приходящих в ужас при виде бедствий войны, а чтоб она стала непоколебимым требованием честной совести» [4].

Список литературы

1. Дёнхофф М. Лев Копелев: Отвечаю только перед моей совестью // Иностранная литература. 1998. № 2 (Журнальный зал). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/2/kopel02.html> (дата обращения: 24.11.2017).
2. Drabkin J., Maurer B. Im Glauben an eine bessere Zukunft. Einblicke – Lew Kopelew. Köln, 2002.
3. Антошин А. В. Русский мир в XX веке. От русского Монмартра – к Брайтон-бич: эволюция русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. М., 2014.
4. Французские посетители Толстого. Из Воспоминаний Т. Бензон, Жоржа Анри Бурдона, Анри Лапоза, Жюля Лерга. URL: <http://tolstoy.ru/creativity/publicism/805/> (дата обращения: 23.11.2017).

Т. В. Вербицкая

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург*

Проблемы имплементации международно- правовых норм о борьбе с терроризмом в национальные правовые системы с точки зрения обеспечения прав человека

В статье рассмотрена проблема регулирования такого специально-го правового механизма борьбы с терроризмом, как режим контртеррористической операции. Установлено, что большинство государств не осуществили правовое регулирование этого режима, в соответствии с документами Генеральной Ассамблеи ООН. Процедура каждой опе-

рации закрепляется государствами в режиме ad hoc. Государствами не определено соотношение контртеррористической операции и военного и чрезвычайного положений. Автор делает вывод о том, что отсутствие правового регулирования режима контртеррористической операции приводит к дисбалансу между интересами защиты безопасности государства и обеспечением прав и свобод человека. Выявлены проблемы правового регулирования режима контртеррористической операции в России с точки зрения соотношения данного режима с военным и чрезвычайным положением.

Ключевые слова: контртеррористическая операция, военное положение, чрезвычайное положение, специальный правовой режим, баланс интересов, ограничение прав и свобод человека.

Verbitskaya T. V.

Implementing international legal norms on combating terrorism in national legal systems while ensuring human rights

The work is devoted to the problem of regulation of such special legal mechanism to fight terrorism, as a regime of counter-terrorist operation. It was established that most states haven't regulated the regime of the counter-terrorist operation, as prescript the documents of the UN General Assembly. The procedure of each counter-terrorist operation is fixed by states in ad hoc mode. States do not determine the correlation between the counter-terrorist operation, martial law and state of emergency. It is concluded that the lack of legal regulation of the regime of the counter-terrorist operation leads to imbalance between the interests of protecting security of the state and ensuring human rights and freedoms. The problems of the legal regulation of the regime of the counter-terrorist operation in Russia are revealed from the point of view of the correlation of mentioned regime with martial law and state of emergency.

Keywords: counter-terrorism operation, martial law, state of emergency, special legal regime, balance of interests, restriction of human rights and freedoms.

Прежде всего необходимо отметить, что борьба с терроризмом осуществляется как на международном, так и на национальном уровне в рамках правовых механизмов, представляющих собой совокупность правовых средств, направленных на преодоление терроризма. Данные правовые механизмы, как международно-правовой, так и национальный, должны функционировать согласованно, что предопределяет необходимость имплементации международно-правовых норм о борьбе с терроризмом в национальные правовые системы государств. Речь идет прежде всего о режиме контртеррористической операции. Необходимо отметить, он пред-

ставляет собой сочетание специальных, войсковых, оперативно-боевых и других подобных мер, сопровождающихся использованием боевой техники, применением оружия или специальных средств, направленных на пресечение террористического акта, обезвреживание лиц, подозреваемых в террористической деятельности, обеспечению защиты граждан, учреждений и организаций, а также на минимизацию последствий террористической деятельности [1].

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 49/60 «Меры по ликвидации международного терроризма», принятая в 1994 г. [2], предопределяет необходимость нормативного закрепления и функционирования специального механизма борьбы как с терроризмом в целом, так и с актами терроризма.

Однако следует отметить, что борьба против терроризма осуществляется государствами посредством закрепления и введения в действие режимов военного или чрезвычайного положения; в большинстве государств отсутствует нормативно закрепленный режим контртеррористической операции.

В условиях введения военного или чрезвычайного положения могут быть введены отдельные ограничения прав и свобод человека и гражданина, однако в основных законах государств также закреплен перечень прав и свобод, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах – речь идет прежде всего о личных правах. В. В. Маклаков и Б. А. Страшун подчеркивают, что «конституции государств нередко предусматривают возможность ограничения тех или иных прав и свобод при чрезвычайных обстоятельствах (таких как война, борьба с терроризмом, стихийное бедствие и т. д.)» [3, с. 121; 4]. Например, в ФРГ в период действия состояния обороны (военного положения) возможно ограничение прав граждан по свободному выбору рода деятельности и профессии или определению своего рабочего места, прав на неприкосновенность жилища и на свободу передвижения, возможно наложение дополнительных гражданских повинностей трудового характера (в качестве мер по обеспечению гражданской обороны государства). Во Франции граждане также могут быть привлечены к выполнению обязанностей в интересах обеспечения национальной обороны [3, с. 134]. Исходя из ст. 55 Конституции Испании, действие отдельных прав и свобод человека (таких как свобода выражения мыслей и слова, неприкосновенность жилища, на въезд в страну и выезд из нее, свободное перемещение по тер-

ритории государства, право на выбор и пребывания места жительства) может быть приостановлено в условиях осадного или чрезвычайного положения в соответствии с нормами, закрепленными в Конституции страны [4, с. 246]. В Португалии введение военного положения должно сопровождаться обнародованием перечня прав и свобод, реализация которых приостанавливается [4, с. 310–311, 338, 388–389]. Проведение контртеррористической операции также сопровождается ограничением прав человека как граждан, проживающих на территории, на которой осуществляется контртеррористическая операция, так и лиц, подозреваемых в терроризме (например, ограничивается свобода переписки). Поэтому возникает проблема перечня прав человека, которые ограничиваются в условиях проведения контртеррористической операции. Иными словами, может ли эта операция рассматриваться как специальный режим, разновидность военного или чрезвычайного положения? До настоящего времени отсутствует однозначный ответ на этот вопрос. Государство предпочитают каждый раз проводить контртеррористическую операцию в режиме *ad hoc*, каждый раз создавая отдельный перечень прав человека, подлежащих ограничению. В России режим контртеррористической операции закреплён нормативно, однако не решена проблема его соотношения с режимами военного и чрезвычайного положения.

В Российской Федерации для борьбы с терроризмом могут быть использованы три вида режима – военное положение, чрезвычайное положение и режим контртеррористической операции, которые невозможно четко разграничить между собой. В случае совершения агрессии, угрозы агрессии против Российской Федерации вводится военное положение (ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении») [5].

Если на территории Российской Федерации, в отдельных ее местностях происходят теракты, вводится чрезвычайное положение (ст. 3 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении») [6].

Между двумя данными Федеральных конституционных законов существует противоречие. В случае если террористические акты обретают характер агрессии (или угрозу агрессии), иными словами, представляют собой одно из действий, перечисленных в ст. 3 ФКЗ «О военном положении», например, при засылке вооруженной банды иностранным государством, возникает вопрос о том, будет ли введено чрезвычайное или военное положение.

Специальная разновидность чрезвычайного положения – режим контртеррористической операции, для введения которой нормативно закреплены менее жесткие требования, чем для военного или чрезвычайного положения. Режим контртеррористической операции вводится только посредством акта руководителя федерального органа исполнительной власти, в компетенцию которого входит обеспечение безопасности (директора Федеральной службы безопасности России) или другого уполномоченного им должностного лица, в том числе руководителя территориального органа по поддержанию безопасности и исключительно на определенной территории [7]. Необходимо подчеркнуть, что между двумя законами – ФКЗ «О чрезвычайном положении» и ФЗ «О противодействии терроризму» – существуют противоречия: невозможно точно установить, в каких случаях вводится чрезвычайное положение при совершении террористического акта, в каких – режим контртеррористической операции, который также может быть введен и в случае совершения актов экстремизма и сепаратизма. Формально-юридический анализ ч. 3 ст. 76 Конституции РФ позволяет установить, что в случае совершения террористического акта должно вводиться именно чрезвычайное положение, однако это фактически приводит к невозможности реализации ФЗ «О противодействии терроризму» в отношении режима контртеррористической операции. Кроме того, отсутствует четкое разграничение двух способов устранения коллизий между указанными правовыми актами – по их юридической силе и соотношению *lex generalis* – *lex specialis*. Представляется, что в указанном случае приоритетом должен обладать *lex specialis* – ФЗ «О противодействии терроризму» в отношении закрепления режима контртеррористической операции. Исходя из ч. 1 ст. 108 Конституции РФ, федеральные конституционные законы принимаются по вопросам, прямо предусмотренным Конституцией РФ. Однако Основной закон не закрепляет перечня оснований введения чрезвычайного положения. Кроме того, в ФКЗ «О чрезвычайном положении» отражен только общий перечень оснований введения чрезвычайного положения и не раскрывается специфика введения режима чрезвычайного положения по каждому из них. Именно поэтому ФЗ «О противодействии терроризму» является *lex specialis* по отношению к ФКЗ «О чрезвычайном положении». Тем не менее указанные правовые коллизии необходимо устранить путем унификации правового регулирования указанной области общественных отношений.

Соответственно, не решена и другая проблема – соотношения интересов государства по обеспечению безопасности, достижение которых сопровождается ограничением прав человека, и обеспечения и защиты прав человека при проведении контртеррористической операции.

Исследователи отмечают, что цель государства при поддержании безопасности состоит не во вмешательстве в частную жизнь человека и гражданина, ограничении его прав таким образом, что реализация прав человека станет затрудненной или даже фактически невозможной, а в ответственности государства за защиту прав и свобод граждан от массовых и грубых нарушений [8, с. 20]. Г. Баум предостерегает, что борьба с терроризмом может стать даже более опасной, чем терроризм, в силу того, что общество перейдет во всех социальных сферах на язык войны и адаптируется к такому положению вещей; при этом государство начнет заниматься «предупредительными» арестами «опасных лиц» [9, с. 26]. Именно поэтому важно наличие правового регулирования режима контртеррористической операции, в рамках которого был бы отражен перечень прав человека, подлежащих ограничению при проведении такой операции. В этом случае существует большая вероятность избежать неоправданных ограничений прав человека.

Также должна быть соблюдена соразмерность между интересами безопасности государства и защитой прав человека в отношении лиц, подозреваемых в террористической деятельности. Лица, подозреваемые в террористической деятельности, могут пользоваться защитой только в части гарантии абсолютных прав, не подлежащих ограничению ни при каких обстоятельствах, таких, например, как право на жизнь, что соответствует и соразмерно осуществляемой ими террористической деятельности. Кроме того, для таких лиц возможно предусмотреть некоторые ограничения и изъятия из перечня прав человека: временный запрет коммуникации, изъятие имущества, используемого для осуществления террористической деятельности и др. Также представляется целесообразным закрепление перечня прав и свобод граждан, которые государства не должны ограничивать ни при каких обстоятельствах: право на жизнь; запрет пыток либо бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения или наказания; гарантии законности применяемых мер и наказаний; запрет придания обратной силы уголовным законам, устанавливающим или отягчающим ответственность за какие-либо деяния; запрет отсту-

плений от императивных норм международного права относительно перечня прав человека и их гарантий [10, с. 125].

Таким образом, имплементация международно-правовых норм о борьбе с терроризмом в национальные правовые системы в отношении создания и функционирования такого специального правового механизма, как режим контртеррористической операции государствами в полном объеме не решена. Государства предпочитают регулирование *ad hoc*, при котором процедура контртеррористической операции определяется для каждого конкретного случая. Между тем, подобный подход приводит к дисбалансу между интересами обеспечения безопасности государства и защитой прав человека.

Режим контртеррористической операции должен быть нормативно урегулирован так, чтобы ограничения прав и свобод человека: а) не затрагивали права и свободы человека и гражданина, которые государство закрепило в конституции как неподлежащие ограничению; б) носили ограниченный по объему и времени действия характер; в) применялись только посредством надлежащего акта, принятого по специально предусмотренной для данных случаев процедуре.

Список литературы

1. Контртеррористическая операция // Военно-энциклопедический словарь Министерства обороны Российской Федерации. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13337@morfDictionary> (дата обращения: 12.03.2018).
2. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, принятая резолюцией № 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г. П. 5–8. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl (дата обращения: 12.03.2018).
3. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов / под ред. Б. А. Страшуна. М., 1995.
4. *Маклаков В. В.* Конституции зарубежных государств : учебник для вузов. М., 1997.
5. Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
6. Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
7. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.
8. *Колоткина О. А., Шалободов Д. В., Ягофарова И. Д.* Баланс публичных и частных интересов при обеспечении национальной безопасности России // Электрон. приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 19–25. URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/eRJJ_01_2018.pdf (дата обращения: 14.02.2018).

9. Баум Г. Спасти права граждан. М., 2015.

10. Почепнев К. Е. Антитеррористические операции и международное гуманитарное право // Рос. юр. журнал; электрон. приложение. 2018. № 1. С. 123–126. URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/eRJJ_01_2018.pdf (дата обращения: 14.02.2018).

Ф. Е. Золотарев

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург*

Урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта в экспертных оценках германских исследователей

Конфликт в Нагорном Карабахе остается актуальной проблемой на Южном Кавказе и на всем постсоветском пространстве. Текущая замороженная стадия конфликта может смениться активной фазой, что создает серьезные вызовы для безопасности и стабильности в регионе. В связи с этим научное сообщество предлагает варианты выхода из проблемной ситуации. Среди них отмечаются рекомендации от немецких экспертов, которые фокусируются на нескольких сферах. Помимо классических подходов обеспечения безопасности, учеными рассмотрено гуманитарное измерение. Упор в их исследованиях делается на работу с молодежью и популяризацию партнерских отношений между гражданами Армении и Азербайджана. Ученые солидарны в том, что для преодоления текущей ситуации потребуется как политическая воля элит, так и активная помощь негосударственных групп и фондов.

Ключевые слова: Нагорно-Карабахский конфликт, Армения, Азербайджан, Германия, гуманитарная дипломатия.

Zolotarev F. E.

Resolving the NagornyKarabakh Conflict through expert opinions of German investigators

The NagornyKarabakh conflict is still an actual issue in South Caucasian and in thepost-Soviet space. A current frozen phase of the conflict can move to active armed phase thatpose significant challenges tosecurity and stability in the region. In this regard, academia decides to propose its own solving a problematic case. There arerecommendations from German experts focused on some spheres. In addition, researches considerhumanitariandimensionapart from classicapproaches to security.The study highlighted the work with young people and popularization friendly relations among civilians of Armenia